

УДК 1.38.2

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ СПЕЦИФИКИ УГОЛОВНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ*Владимир М. Золотухин^{1, @1}, Анастасия А. Тарасенко^{1, 2, @2}*¹Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28²Кемеровский государственный медицинский университет, Россия, 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 22а@¹ zvm64@mail.ru@² nastiakr@yandex.ru*Поступила в редакцию 28.08.2017. Принята к печати 09.10.2017.*

Ключевые слова: ментальность, стереотип, деятельность, ценность, правоприменение, саморефлексия, гражданственность, права человека.

Аннотация: Статья посвящена анализу социально-философского и социокультурного подходов рассмотрения правоприменительной практики в сфере уголовного наказания и ее отражения в российской ментальности. Выявлены как положительные, так и негативные ее аспекты. Признание мировоззренческого плюрализма и многомерности социальной среды с существованием различий и противоречий позволяют говорить о наличии границ правоприменения как меры своей определенности. Этим обусловлено то, что правоприменение связано с взаимной заинтересованностью общества в формировании гражданственности при уравновешенности мер поощрения и наказания. Диалектика уравновешивания «слабого» и «сильного» посредством «притяжения середины» позволяет рассматривать равенство как неразрешимый предел, поскольку оно есть равенство тех, кто ни в чем друг другу не равен.

В настоящее время существует потребность осознания правовой реальности на основании социокультурной практики, более того, ее культурологического содержания. Это связано как с выявлением механизмов правоприменения, так и с их зависимостью от степени рефлексирования обществом санкционируемых и устанавливаемых государством мер уголовного наказания, когда имеют место негативные последствия правового нигилизма в российской ментальности.

Рассматривая правоприменение как вид деятельности, обращается внимание на то, что эта деятельность проявляет себя в «акте воздержания» и «акте неделания» (П. Сорокин). Если в первом случае мы имеем дело с пассивным воздержанием, то во втором – с терпением как добродетелью. На практике эта мысль развивается в творчестве Ф. М. Достоевского и противопоставлена Л. Н. Толстому. В «Братьях Карамазовых «акты терпения» объясняются на примере заповеди Христа: «Не противься злему». Осознание жизни в нравственном смысле превращает ее в подлинное Бытие, т. е. Бытие духовное, так как «вне духовного содержания любое дело – это поддела» (М. Мамардашвили). Поэтому желательно, чтобы каждый человек имел возможность гармонизировать свою личность и свое сознание, имел представление о подлинной духовности и ее значении для себя самого и для всего социума.

Достижению взаимоприемлемых форм поведения («самосохранительного поведения») в обществе способствуют как наличие у человека самоопределенности, так и открытость к восприимчивости чужих мировоззренческих конструкций. Данное поведение базируется на активной жизненной позиции субъекта правоприменения, где его ответственность за свои действия и поступки сочетается с кантоновским категорическим императивом «долга».

Диалектика уравновешивания «слабого» и «сильного» основывается на конституции равенства. Фундаментальное равенство всех перед законом заключается в том, что можно ожидать более эффективного решения проблем общества, если стимулировать межличностный обмен мнениями, а не полагаться на осуществление данного кем-то знания. Деятельностный аспект правоприменения выявляет проблемы образа и качества жизни, социальной коммуникации. Вне своего деятельностного аспекта правоприменение превращается в область предположений, субъективных оценок, случайных параметров и показателей. Проявлением собственно ментальности в отличие от внешней экономической, социальной и политической мотивации поведения является факт нравственной, индивидуально-ценностной обусловленности данного поведения. К конкретной ситуации происходит привыкание (адаптация). Это привыкание сопровождается затянувшимися социальными ожиданиями или отложенными потребностями, которые воспроизводятся в конкретной социокультурной среде (ментальности).

Для цитирования: Золотухин В. М., Тарасенко А. А. Социально-философский аспект специфики уголовного правоприменения в российской ментальности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 55–60. DOI:10.21603/2542-1840-2017-3-55-60.

На протяжении длительного исторического периода возможно понимание и осознание правовой реальности на основании социокультурной практики. В то же время требуют научной, в частности культурологической проработки, проблемы, связанные с выявлением механизмов правоприменения и их зависимость от степени рефлексирования обществом санкционируемых и устанавливаемых государством различных мер наказания, включая уголовное, когда имеют место негативные последствия правового нигилизма в российской ментальности.

Ранее нами отмечалось, что «проявлением собственно ментальности в отличие от внешней экономической, социальной и политической мотивации поведения является факт нравственной, индивидуально-ценностной обусловленности данного поведения. В основе поведения лежат обычно ментальные факторы. К конкретной ситуации происходит привыкание (адаптация). Это привыкание сопровождается затянувшимися социальными ожиданиями или отложенными потребностями, которые воспроизводятся в ментальности» [1, с. 22]. Это имеет непосредственное отношение к правоприменительной практике, и в особенности к ее субъекту как носителю определенных ценностей и стереотипов.

Рассматривая правоприменение с точки зрения определенного вида деятельности, перед нами встают вопросы: Какова эта деятельность? Чем определяется ее специфика? В чем отличие данного вида деятельности от других? Раскрывая эти вопросы, необходимо разграничивать в данном виде деятельности «акты воздержания» и «акты неделания». При сравнении психических характеров разница между актами «воздержания» и «терпения» сразу становится ощутимой. «Первые акты есть акты пассивные, состоящие в воздержании от каких-либо действий, а вторые есть акты активные, состоящие именно в терпении ряда воздействий, исходящих от других людей» [2, с. 52]. «В первом случае эти акты получают характер пассивного воздержания от сопротивления обидчику... При второй же интерпретации этих актов они гласят: терпи обиды, ибо это есть великая добродетель, в этом терпении есть великая ценность и для него нужны великие способности. Не сопротивление, а именно терпение нужно и требуется, чтобы победить зло и уготовить царство Божие» [2, с. 52–53].

Наглядное выражение эта мысль получила в творчестве Ф. М. Достоевского и противопоставлена Л. Н. Толстому. В «Братьях Карамазовых «акты терпения» объясняются на примере заповеди Христа: «Не противься злему». Данная заповедь интерпретируется старцем Зосимой следующим образом: «Перед иною мыслью станешь в недоумении – особенно видя грех людей, и спросишь себя: «взять ли силой али смиренною любовью». Всегда решай: «возьму смиренною любовью». Решишься так раз навсегда, и весь мир покорить сможешь. Смирение любовное – страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего» [3, с. 360–362]. Анализируя творчество Достоевского и его позицию относительно интересующей нас темы, К. Н. Леонтьев отмечает: «признание космополитической любви, которое он считает уделом рус-

ского народа, есть назначение благое и возвышенное. ... Это всеобщее примирение. ... Его необходимо различать: есть любовь – милосердие, и есть любовь восхищение; есть любовь моральная, и есть любовь эстетическая. ... Любовь моральная, т. е. искреннее желание блага, сострадание или радость на чужое счастье и т. д. – может быть религиозного происхождения, и происхождения естественного, т. е. производимая (без всякого влияния религии) большой природной добротой, или воспитанная какими-нибудь гуманными убеждениями» [4].

Условность морали, ее зависимость от исторически и социально конкретных обстоятельств, ставит человека в жесткие рамки, при которых он должен осознавать всю противоречивость социального бытия, быть готовым к социальному «бунту» (А. Камю) и нести меру ответственности за него. При осознании этого можно контролировать и избегать ситуации, когда государство, властные структуры или окружающие могут использовать условность морали как инструмент манипулирования. Актуализация данного момента определяется доминированием ситуаций, описанных Ф. М. Достоевским: «Если Бога нет, все позволено». Исчезают абсолютные ориентиры в морали, разрушается абсолютный характер запретов и господствует моральный аморализм, хотя это и может прикрываться различными теориями «освобождения человека».

Рассматривая деятельность как основу правоприменения необходимо подчеркнуть, что она должна быть осознанной и человек за нее должен нести ответственность. Для этого человек реально способен реализовать свою возможность самостоятельно избрать систему ценностей в качестве ориентира развития в социуме. Осознание жизни в нравственном смысле превращает ее в подлинное Бытие, т. е. Бытие духовное, так как «вне духовного содержания любое дело – это полдела» (М. Мамардашвили). Активное отношение человека к своему существованию и сосуществованию с другими позволяют ему найти наиболее оптимальные механизмы для эффективной адаптации человека к социальной среде, находясь «внутри» и пропускающая через «себя» конкретно-историческую специфику правоприменения.

Действительность не только познается, но и «используется» человеком. Особое значение здесь приобретает «историчность» человеческого бытия, его определенность местом и временем – той «ситуацией», в которой человек сам себя застаёт. Речь идет о современной (в том числе и технической) культуре с ее неэпистемическим опытом переживания вины, ответственности, желания свободы и справедливости, чувствами веры и надежды. Восприятие прошлого должно быть на первом месте и способствовать соучастию с миром (в мире), смиряясь перед бытием.

Правоприменение, в том числе уголовное, понимается как форма активно-преобразующей деятельности, выступающая в роли саморефлексии человека. Данная деятельность направлена на формирование открытости мышления. Последняя должна обладать наличием многообразия возможностей (интеллектуальных, образовательных, психологических и т. д.) для переоценки ценностей и способ-

ности к их реализации (среди тех, которые имели место в прошлом как эталоны современности). Выполнение данного требования диктуется современными социальными практиками, где диалог и «диалогичность человеческого существования» (Э. Гуссерль, М. Бубер) выходят на первое место. Это позволяет нам говорить о существовании виртуальной реальности правоприменения, где сама правовая система, ее отражение и правосознание являются не только атрибутивными свойствами субъектов правоприменения, но и всех членов общества.

Признание мировоззренческого плюрализма и многомерности социальной среды с существованием различий и противоречий (определяющих онтологическую возможность конфликта) позволяют говорить о наличии границ правоприменения как меры своей определенности. Этим обусловлено то, что правоприменение связано с взаимной заинтересованностью общества в формировании гражданственности при уравнивании мер поощрения и наказания.

Специфика правоприменения может быть отражена в двух сферах – психологической и политической. В первой – это «внутренняя установка» а во второй – «действие или осуществляемая через закон и традицию общественная норма» (В. Тишков) [5, с. 23]. Как установка (добровольный, индивидуальный выбор) она не навязывается, а приобретает через воспитание, информацию и личный жизненный опыт. Как действие проявляется в активной позиции самоограничения, намеренного и осознанного невмешательства. Наличие факта добровольного согласия разных и противостоящих в несогласии субъектов, является основой для достижения и расширения социального компромисса через различные методы (убеждение, дискуссия и аргументация своей позиции) вовлечения новых субъектов. Основной целью при этом является самосохранение социума, государства и их структур путем формирования и развития стратегии «самосохранительного поведения».

Достижению взаимоприемлемых форм поведения («самосохранительного поведения») в обществе способствуют как наличие у человека самоопределенности, так и открытости к восприимчивости чужих мировоззренческих конструкций. Признание за другими наличия других мнений и / или стереотипов поведения способствует достижению «золотой середины» при реализации в обществе двух условий: существование механизмов уравниваемости социальных процессов и осмысление субъектами правоприменения базовых социально-значимых ценностей. У субъекта правоприменения должна быть активная жизненная позиция, а его ответственность за свои действия и поступки сочетается с кантовским категорическим императивом «долга».

Для определения границ «системы действий и отношений, направленных на сохранение и поддержание здоровья в течение жизни, а также на установку продления срока жизни» [6, с. 134] термин «самосохранительное поведение» впервые был применен в отечественной социально-демографической литературе в 1982 г. (например Г. Д. Бердышев, В. В. Варавва и т. д.). «Самооценка» и «ценностные установки» человека являются основными компонентами для его формирования. По мнению И. В. Журавлевой, классическое определение понятия «самосохранительное поведение» должно содержать в себе две системы: социальные действия и установки, направленные на сохранение здоровья и продление жизни человека [7, с. 34]. Данные

системы должны быть отражением социальных стандартов, формируемых государственными структурами.

Формируя систему социальных приоритетов и стандартов поведения, государство и общество, в общем, заинтересованы в создании эффективной инфраструктуры (экономической, правоохранительной, образовательной и т. д.) для формирования правосознания и правовой культуры в целом. Это является актуальным в условиях развития цифровой революции в рамках научно-технического и информационного прогресса, когда человек теряет способность и / или потребность воспринимать объемную и системную информацию. Снижение качества интеллектуального продукта культуры, в частности правовой (книги, различные продукты деятельности человека и т. д.), а также предъявляемые человеком требования к окружающей инфраструктуре становятся характерными элементами общественного сознания, оказывающие доминирующее влияние на практику в области правоприменения.

Своеобразное переплетение нравственности и права характерно для российской социокультурной традиции. Ранее нами отмечалось, что «духовная природа человека выражается в нравственно-правовом характере общественного бытия, а двойственность человеческого поведения и отношения между людьми подчинены двум разным законодательствам: с одной стороны, – праву, а с другой стороны, – морали. Это порождает бесчисленные, порой трагические конфликты и недоразумения в человеческой жизни, что толкает человека к поиску общих стандартов (общечеловеческих критериев) поведения. Данные критерии поведения могут быть выражены как в «конкретном (юридическом) законе», так и «культурной (бытовой) норме» и обусловлены правом свободного выбора» [8, с. 108].

По мнению С. Л. Франка, моральное или какое-либо иное право не может и не имеет смысла без наличия у человека свободы, понимаемой как «общественная обязанность», посредством которой проявляется «независимость членов общества, самостоятельность каждого из них» [9, с. 142]. Онтологически базируясь на единстве «разделенности» и «взаимопроникновения», свобода является характеристикой общества как «органического многоединства», что способствует расчленению общества на отдельных субъектов прав. Взаимодействия между субъектами в области правоприменения должны строиться на основе признания прав этих субъектов для поиска компромиссных решений, направленных на повышение качества человеческого капитала. Путь сотрудничества и достижения взаимного баланса интересов направлен против доминирования у современного человека безответственности, циничности, изворотливости и эгоизма.

На основе сотрудничества и поиска взаимоприемлемых компромиссов для всех сторон происходит уравнивание «слабого» и «сильного» посредством «притяжения середины» (М. Хайдеггер) и основывается на конституировании равенства, которое всегда касается нас самих (независимо от того, что быть частью большинства безопаснее и безответственнее). Равенство рассматривается как неразрешимый предел, поскольку оно есть равенство тех, кто ни в чем друг другу не равен. В этом случае «реализовать данную тенденцию возможно только через отвержение повседневности (М. Хайдеггер) посредством «высывывания», отстаивания в конструктивном диалоге

своей мировоззренческой позиции, прав и достоинства. Иными словами, между ожиданием позитивного ответа «Другого» или государства (источника власти) и самостоятельным действием на свой страх и риск» [8, с. 109].

С точки зрения либерализма, фундаментальное равенство всех перед законом является основанием для самоопределенности человека, способствует более эффективно-му решению проблем стоящих перед обществом и препятствует доминированию кем-то данного и навязываемого знания. При доминировании в общественном дискурсе практик дискуссии и взаимной критики различных точек зрения возможно достижение компромиссов при условии соблюдения законности в практике правоприменения. Для реализации принципа равной свободы необходимо признание и сохранение для всех «либерального равенства», основанного на принципе эффективности или оптимальности В. Парето. Только в этом случае возможно наиболее полное соблюдение прав и свобод человека в повседневной деятельности человека и исключения из практики правоприменения фактов противоправного воздействия на человека в различных сферах (экономической, политической, трудовой и т. д.)

При достижении согласия, в рамках российской социокультурной практики [10], человек, так или иначе, вынужден находить взаимоприемлемые с другими механизмы взаимодействия при условии сохранения собственной самоопределенности. В условиях взаимодействия (силового и / или информационного) требуется достижение взаимного согласия, которое выступает в форме требования [11]. Правовой основой для реализации этого требования должна стать гарантированная государством возможность его выполнения, что в конечном счете характеризует уровень правоприменения [12]. К сожалению, для современной российской правовой системы характерно доминирование психологических методов воздействия на человека. Именно такие методы оказываются наиболее эффективной «стратегией», направленной на конструирование и поддержание в общественном сознании «социальных феноменов» видимого присутствия силовых структур государства, в основе деятельности которых «практикуются» различные методы воздействия, выходящие за рамки законности.

В рамках вышесказанного, перед современным российским обществом сегодня возникает безотлагательная задача по реабилитации самого ценностного дискурса. Это возможно только тогда, когда ценности будут не толь-

ко декларироваться, но будут выстраиваться соответствующие институты, приниматься законы, разрабатываться программы по их реализации. Например, если в уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ) [13] регламентируется особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, то основания применения особого порядка принятия судебного решения указаны в ст. 314 УПК РФ. В частности, обращается внимание на то, что обвиняемый вправе заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы. Упрощенный порядок уголовного судопроизводства предполагает то, что судебное разбирательство может быть проведено по преступлениям небольшой тяжести, средней тяжести и даже по уголовным делам о тяжких преступлениях.

При невыполнении человеком в реальном правовом пространстве своих обязанностей уровень соотношения его прав и обязанностей полностью зависит от субъекта правоприменения в рамках социально-политической инфраструктуры государства. В случае, если субъект правоприменения не способен и / или не имеет возможности осуществлять деятельность в рамках закона, то в социокультурном пространстве возникает феномен «юридической маргинальности». Р. Ф. Степаненко подчеркивает, что «юридическую маргинальность следует расценивать как неизбежное явление, побочный продукт всевозможных модернизаций, обуславливающих как «пограничность» правового состояния (положения) значительного числа российских граждан, так и отчужденность ценностно-нормативного пространства от смысла права, в том числе субъектами, его конструирующими» [14, с. 101]. При этом актуализируется проблема о способности «среды» [15] разделить предлагаемые ей правила игры (социально-экономические [16], природоохранные [17], управленческие [18] и т. д.). Выполнение этих правил (общеобязательных стандартов и символики) зависит от соотношения «реальной» к официальной идеологии [19], так как это является характеристикой обнажающих естественные инстинкты человека, не только в рамках практики правоприменения, но и социокультурной среды в целом.

Литература

1. Золотухин В. М., Родионов А. В. Социально-философский и социокультурные аспекты российской ментальности // Вестник КемГУКИ. 2014. № 4. С. 17–24.
2. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 346 с.
3. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. Братья Карамазовы. Ч. 1–3. Л.: Наука, 1991. 698 с.
4. Леонтьев К. Н. О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике. Режим доступа: <http://antimodern.ru/konstantin-leontjev/> (дата обращения: 14.07.2017).
5. Тишков В. А. О толерантности // Этнополис. 1995. № 5. С. 21–32.
6. Антонов А. И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М.: NotaBene, 1998. 360 с.
7. Журавлева И. В. Отношение к здоровью индивида и общества. М.: Наука, 2006. 238 с.
8. Золотухин В. М. Право на толерантность // Вестник КузГТУ. 2004. № 1. С. 107–112.
9. Франк С. Л. Духовные основы жизни общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
10. Дронов В. Т. Согласие как цивилизационный архетип российского общества // Социологические исследования. № 9. 2016. С. 157–160.
11. Осипов Ю. М. Этнонациональное сознание и историческое поведение // Философия хозяйства. 2016. № 5. С. 11–20.

12. Objectives Of Criminal Law // Luke Powell. Legal Advice Blog. Posted by James on February 5, 2015. Режим доступа: <http://www.lukepowell.com> (дата обращения: 15.02.2016).
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.05.2017) // Российская газета. 22.12.2001. Режим доступа: <https://rg.ru/2001/12/22/urk-dok.html> (дата обращения: 17.02.2016).
14. Степаненко Р. Ф. Причинность, понятие и виды правовой маргинальности // Государство и право. № 6. 2014. С. 98–103.
15. Zolotukhin V., Stepanova E., Kozyreva M., Tarasenko A., Stepanov A. The problems of correlation the life quality and interpersonal dialogue in legal practice of mining regions // The 1st Scientific Practical Conference “International Innovative Mining Symposium (in memory of Prof. Vladimir Pronoza)”. 2017. Vol. 15. P. 04014. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20171504014>.
16. Trifonov V., Loyko O., Nesteruk D., Zhironkin S., Strekovtsova E. Managing a monotown as a priority social and economic development area // AIP Conference Proceedings. Vol. 1800: Youth, Science, Solutions: Ideas and Prospects. 2017. P. 050009. DOI: 10.1063/1.4973069.
17. Kiseleva T. V., Mikhailov V. G., Karasev V. A. Management of local economic and ecological system of coal processing company // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2016. Vol. 45. P. 012013.
18. Galanina T. V., Baumgarten M. I., Mikhailov V. G., Koroleva T. G., Mikhailov G. S. Environmental-Socio-Economic Monitoring as a Tool of Region’s Environmental-Economic System Management // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2017. Vol. 50. P. 012030.
19. Zolotukhin V. M., Gogolin V. A., Yazevich M. Yu., Baumgarten M. I., Dyagileva A. V. Environmental Management: the Ideology of Natural Resource Rational Use / Ecology and safety in the technosphere: current problems and solutions // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2017. Vol. 50. P. 012027. DOI: 10.1088/1755-1315/50/1/012027.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT OF THE CRIMINAL LAW ENFORCEMENT SPECIFICITY IN THE RUSSIAN MENTALITY

Vladimir M. Zolotukhin^{1, @1}, Anastasiia A. Tarasenko^{1, 2, @2}

¹ T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, 28, Vesennyaya St., Kemerovo, Russia, 650000

² Kemerovo State Medical University, 22a, Voroshilov street, Kemerovo, Russia, 650029

@¹ zvm64@mail.ru

@² nastiakr@yandex.ru

Received 28.08.2017. Accepted 09.10.2017.

Keywords: mentality, stereotype, activity, value, law enforcement, self-reflection, citizenship and human rights.

Abstract: This article analyzes the socio-philosophical and socio-cultural approaches to law enforcement practices in the sphere of criminal punishment and its reflection in the Russian mentality. The recognition of ideological pluralism and multidimensionality of the social environment with the existence of differences and contradictions indicates the presence of the law enforcement boundaries as a measure of their certainty. This is due to the fact that law enforcement is associated with mutual interest of the society in the formation of citizenship in the balance of incentives and penalties. The dialectic balance of «weak» and «strong» by means of «the middle attraction» allows one to consider equality as an impossible limit, because it is an equality of those who are not equal.

Currently, there is a need of awareness of legal reality on the basis of socio-cultural practices and, moreover, of its cultural content. This phenomenon is due to the identification of law enforcement mechanisms, as well as their dependence on the degree of society relaxation of the state permitted and established criminal penalties, when there are negative consequences of legal nihilism in the Russian mentality.

Considering the enforcement as an activity, we must notice that this activity manifests itself in the «act of abstinence» and the «act of doing» (P. Sorokin). If a passive abstinence has place in the first case, the patience appears as a virtue in the second one. In literary practice, this idea is developed by F. M. Dostoevsky and is opposed by L. N. Tolstoy. In «The Karamazov Brothers» the «acts of patience» are explained by the example of Christ’s command: «Do not resist evil». The moral awareness transforms the life into true Being, i. e. spiritual Being as «any activity out of the spiritual content is only half the battle» (M. Mamardashvili). Therefore, it is to be wished that every individual had an opportunity to harmonize their personality and mind and also had an idea of true spirituality and its significance for themselves and the whole society. The self-definition of an individual and their openness to accept foreign ideological constructions contribute to the achievement of mutually acceptable forms of behavior («self-preservation behavior») in the community. This behavior is based on the active life position of

the law enforcement subject, when one's responsibility for one's actions and deeds is combined with Kant's categorical imperative of «Duty».

The dialectic balance of «weak» and «strong» is based on the legitimization of the equality. The fundamental equality of all before the law is that we can expect a much more effective solution of the social problems, if we stimulate interpersonal exchanges, instead of relying on the implementation of Someone's knowledge. An activity aspect of law enforcement identifies problems of a lifestyle, quality of life and social communication. Outside its activity aspect the law enforcement is transformed into the realm of speculations, subjective estimations, random parameters and indicators. The moral individual valued conditionality of this behavior is a manifestation of the mentality in contrast to an external economic, social and politically motivated behavior. One gets used to (adapts to) a specific situation. This addiction is accompanied by prolonged social expectations or deferred needs, which are reproduced in specific social and cultural environment (mentality).

For citation: Zolotukhin V. M. Tarasenko A. A. Sotsial'no-filosofskii aspekt spetsifiki ugovnogo pravoprimeneniia v rossiiskoi mental'nosti [Socio-philosophical aspect of the criminal law enforcement specificity in the Russian mentality]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 3 (2017): 55–60. DOI:10.21603/2542-1840-2017-3-55-60.

References

1. Zolotukhin V. M., Rodionov A. V. Sotsial'no-filosofskii i sotsiokul'turnye aspekty rossiiskoi mental'nosti [Social and philosophical and sociocultural aspects of the Russian mentality]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, no. 4 (2014): 17–24.
2. Sorokin P. Chelovek. *Tsivilizatsiia. Obshchestvo* [The Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat, 1992, 346.
3. Dostoevsky F. M. *Sobr. soch. T. 9. Brat'ia Karamazovy* [Collected Works. Vol. 9. The Brothers Karamazov]. Leningrad: Nauka, 1991, 698.
4. Leont'ev K. N. *O vsemirnoi liubvi. Rech' Dostoevskogo F. M. na Pushkinskom prazdnike* [About the world love. Dostoyevsky's F. M. speech on the Pushkin holiday]. Available at: <http://antimodern.ru/konstantin-leontjev/> (accessed 14.07.2017).
5. Tishkov V. A. O tolerantnosti [About tolerance]. *Etnopolis = Ethnopolicy*, no. 5 (1995): 21–32.
6. Antonov A. I. *Mikrosotsiologiia sem'i (metodologiia issledovaniia struktur i protsessov)* [Microsociology of family (methodology of investigation of structures and processes)]. Moscow: NotaBene, 1998, 360.
7. Zhuravleva I. V. *Otnoshenie k zdorov'iu individa i obshchestva* [Attitude of Individuals and Society to Health]. Moscow, 2006. 238 p.
8. Zolotukhin V. M. Pravo na tolerantnost' [Right on tolerance]. *Vestnik of Kuzbass State Technical University = Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 1 (2004): 107–112.
9. Frank S. L. *Dukhovnye osnovy zhizni obshchestva* [Spiritual foundations of society]. Moscow: Respublika, 1992. 511 p.
10. Dronov V. T. Soglasie kak tsivilizatsionnyi arkhetyip rossiiskogo obshchestva [Consent as a civilization the archetype of the Russian society]. *Sotsiologicheskie issledovaniia = Sociological researches*, no. 9 (2016): 157–160.
11. Osipov Iu. M. Etnonatsional'noe soznanie i istoricheskoe povedenie [Ethno-national consciousness and historical behavior]. *Filosofia khoziaistva = The philosophy of management*, no. 5 (2016): 11–20.
12. Objectives Of Criminal Law. Luke Powell. *Legal Advise Blog*. Posted by James on February 5, 2015. Available at: <http://www.lukepowell.com> (accessed 15.02.2016).
13. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18.12.2001 No 174-FZ [The code of criminal procedure of the Russian Federation on 18.12.2001 No 174-FZ (Edition on 11.05.2017)]. *Rossiiskaia gazeta = Russian Gazette*. 22.12.2001. Available at: <https://rg.ru/2001/12/22/upk-dok.html> (дата обращения: 17.02.2016).
14. Stepanenko R. F. Prichinnost', poniatie i vidy pravovoi marginal'nosti [Causality, the concept and types of legal marginality]. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, no. 6 (2014): 98–103.
15. Zolotukhin V., Stepantsova E., Kozyreva M., Tarasenko A., Stepantsov A. The problems of correlation the life quality and interpersonal dialogue in legal practice of mining regions. *The 1st Scientific Practical Conference "International Innovative Mining Symposium (in memory of Prof. Vladimir Pronoza)"*. Vol. 15 (2017): 04014. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20171504014>.
16. Trifonov V., Loyko O., Nesteruk D., Zhironkin S., Strekovtsova E. Managing a monotown as a priority social and economic development area. *AIP Conference Proceedings*. Vol. 1800: Youth, Science, Solutions: Ideas and Prospects (2017): 050009. DOI: 10.1063/1.4973069.
17. Kiseleva T. V., Mikhailov V. G., Karasev V. A. Management of local economic and ecological system of coal processing company. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. Vol. 45 (2016): 012013.
18. Galanina T. V., Baumgarten M. I., Mikhailov V. G., Koroleva T. G., Mikhailov G. S. Environmental-Socio-Economic Monitoring as a Tool of Region's Environmental-Economic System Management. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. Vol. 50 (2017): 012030.
19. Zolotukhin V. M., Gogolin V. A., Yazevich M. Yu., Baumgarten M. I., Dyagileva A. V. Environmental Management: the Ideology of Natural Resource Rational Use / Ecology and safety in the technosphere: current problems and solutions. *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*. Vol. 50 (2017): 012027. DOI: 10.1088/1755-1315/50/1/012027.